Год издания 3-й

С угнетенными против угнетателей — всегда!

НАБАТ

Орган Секретариата Конфедерации анархистских организаций Украины „Набат" и Харьковской Федерации „Набат".

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ.

№ 2—(29) Понедельник, 15-го ноября 1920 г. № 2—(29)

Секретариат Конфедерации и редакция газ. „Набат" горячо приветствует тов. Волина, вновь вступающего в ряды активных борцов за Анархическую Коммуну!

Сила анархизма.

Одни из самых наболевших вопросов растущего анархического движения — вопрос о слабости наших идеологических сил, о недостатке активных работников-анархистов.

Эта наша беда, о причинах которой не будем здесь говорить, мучительно переживается многими товарищами.

Да, нас мало. Да, мы — капля в бурном человеческом океане. Да да, наша идеологическая работа несоизмеримо далека от громадного спроса на нее, от потребности и надобности в ней.

Да, мы не можем „об'ять" движение, „овладеть" им.

Но, думается, — не следует *преувеличивать* значение этой беды, не следует впадать в уныние и предаваться отчаянию.

Сила и конечный успех именно *анархического* движения зависят не столько от „внешней" работы отдельных лиц — идеологов и проповедников анархизма, — сколько от естественного „внутреннего" *самосозревания* масс, от их *самостоятельного* искания, опыта, стремления, от их *собственного* усилия, упорного волевого напряжения и обретения.

Слабость наших идеологических сил отнюдь не есть слабость самого *анархизма, как процесса и движения*; хотя очень многие, недостаточно вдумываясь в самую сущность анархизма, обманываются этой „наружной" слабостью и забывают о глубоком существе дела. Забывают о том, что *главный* и лучший, несравненный и незаменимый *учитель* анархизма — живая жизнь, живой опыт, *живое* и *самостоятельное* искание и творчество. Анархизм, как и „царство божие", — *нудится*. И лишь при том условии, что он именно нудится, а не преподносится в легко проглатываемом готовом виде, он крепнет, приобретает истинную силу, идет верным путем и к верному, прочному результату. Если, при этом, сама жизнь, данная историческая обстановка и общие условия эпохи дают достаточный материал и достаточное время для того, чтобы анархизм „вынудился", то его внутренняя сила, его рост и конечный успех более или менее обеспечены.

Дает ли нынешнее положение вещей право серьезно рассчитывать на рост, силу и успешность анархических устремлений, *несмотря на слабость и недостаточность нашей идеологической работы?* Думается, что внимательный учет настроений, событий, движений и всей общественно-экономической обстановки нашего времени, в международном масштабе, приводит к положительному ответу.

Вся окружающая жизнь в целом, весь действительный опыт наших дней энергически, упорно натаскивает, как отдельных людей, так и массу — сумму людей, — на анархическую идею. И чем в большей степени *сама жизнь* двигает и направляет процесс человеческих исканий и достижений в этом направлении; чем в большей мере люди *сами, на непосредственно переживаемом и передумываемом опыте* приходят к анархическим устремлениям, — тем вернее и ценнее залог возможности и успешности анархического строительства, тем крепче, прочнее и надежнее фундамент анархического здания, тем сильнее анархизм.

Присмотритесь хорошо, внимательно, вдумчиво к нынешним переживаниям, исканиям и, наконец, *к замечательным нынешним движениям активных широких масс*; вдумайтесь во всю ту общую обстановку, в которой протекают эти переживания, эти движения и все, вообще, современные события, — и вы убедитесь, что *слабость* анархизма — только кажущаяся, поверхностная, и что *сила* анархизма заключается отчасти в этой самой его слабости. Благодаря, в некоторой степени, недостатку идеологического „влияния", анархизм именно „нудится" массами, нудится тяжело, медленно, мучительно. Благодаря недостатку „руководительства", анархизм выковывается в процессе тяжелого, болезненного, недешево стоющего, но тем более глубоко и прочно приобретаемого непосредственного опыта. И — тем крепче, тем мощнее, тем жизнеспособнее его первые ростки. Недостаток внешнего „руководительства" значительно вознаграждается самостоятельностью роста.

Конечно, мы должны всячески помогать этим росткам выбиться из темных недр сырой земли к яркому солнцу — сознанию; конечно, мы должны работать, не покладая рук, поливая, питая, согревая, поддерживая, направляя эти ростки и заботливо, беззаветно ухаживая за ними; конечно, в этом отношении важна, необходима напряженная и самоотверженная работа *каждого* сознательного анархиста — революционера; и, конечно, именно такой работы слишком недостаточно в наших рядах.

Конечно, глубоко больно и стыдно за тех — к сожалению, очень многих — товарищей, которые, в стороне от живого анархического дела, не участвуют в возделывании сада и, вместо живой, плодотворной работы садовника на вольном воздухе и при ярком солнце, ведут подземную „работу" кротов, занятые, каждый, своей собственной норкой; конечно, нужны силы; надо искать их; необходимо формировать, об'единять, распределять их... Конечно, больно, мучительно больно, что их так мало (и, кстати сказать, главной задачей ближайшего анархического с'езда должна быть именно задача удесятерения и организации наших идеологических сил).

Но боль и мука за слабость, за малочисленность наших сил должны не ослаблять, не гасить, а, наоборот, бесконечно усиливать и разжигать энергию, бодрость, активность каждого из нас.

Пусть не сокрушает наших надежд и нашей личной энергии недостаточность делателей, садовников. Были бы ростки, — они пробьются. Была бы жатва, — жнецы придут.

А ростки уже есть; их много; они сильны; и жатва готовится в глубоких недрах земли.

Волин.

Повстанчество и Социальная Революция *).

Все уже и уже сжимают железные тиски „диктатуры пролетариата" украинскую деревню. Она еще волнуется и восстает кое-где, она все еще не хочет угомониться, но все же мне кажется, что недалек тот момент, когда Советской власти удастся наконец митьем и катаньем, пулеметами и демагогией, утихомирить мятежного украинского мужичка. „И на Шипке [illegible] повстанчество и его наиболее революционный авангард — Махновщина — будут бессильны, на время, против грозной наступающей красной реакции. Грустно бывает повторять истины, казалось бы, азбучные, а все же нужно хорошенько запомнить многим нашим товарищам, что всепопустительство не всегда является революционной работой. Из этого, конечно, не следует, что я вздумал бы отрицать необходимость нашей культурно-революционной работы среди повстанчества: слишком много анархического или вернее, тенденций к безвластию и безгосударственности в глубоких недрах такого крупного массового движения, как повстанчество. Все же нужно еще и еще раз напомнить товарищам, что было бы непростительной ошибкой ставить какую либо ставку на повстанчество. Ибо, во первых, далеко еще недостаточно знать *против чего* мы боремся. *Гораздо важнее, осознать за что мы боремся.* А ведь надо признаться слишком еще мало у нас интеллектуальных сил, слишком мизерна работа немногих наших организаций и групок для того, чтобы суметь распропагандировать в достаточной мере ряды повстанчества. Во вторых, а это самое существенное, повстанчество, даже наиболее революционное, даже если оно идет под черным флагом безвластия — все же неспособно само, без широкого участия безвластных и противогосударственных производственных организаций рабочих города и деревни, творить великое дело Социальной революции. Все надеюсь согласятся со мной, что пока у нас в Сов. федер. республике нет еще сильных производственных организаций, борющихся с Властью и Капиталом. А много ли у нас земледельческих артелей или коммун, проникнутых идеей анархического коммунизма?

Каждый мыслящий анархист, каждый сознательный революционер должен будет признать, что без *таких производственных организаций, не имея в своем тылу целой сети коммун, враждебно настроенных против Власти и Капитала (частного и государственного), повстанчество обречено на неминуемую гибель или оно может принять самые уродливые формы.*

Разве не отсутствием таких стройных организаций и невозможности для повстанчества, вследствие этого, быть им подконтрольным об'ясняется то грустное явление, что фигура вождя, атамана или „батьки" заслоняет собой все революционное повстанчество? Ведь нечего греха таить, что товарищ Нестор Махно, идейный и честный анархист, все же является часто, может быть, и помимо своей воли, вершителем судеб революционного повстанчества. Разве это нормально для рев. повстанческой армии которую друзья и враги [illegible] называют анархической?

Пусть товарищи не обманывают себя тем легким успехом, которым пользуется пропаганда безвластия в рядах угнетенных деревни и среди повстанчества, в особенности.

Ведь далеко еще недостаточно быть настроенным против власти. Нужно еще бороться и творить Социальную Революцию. Повстанчество же, проявляющее великолепные способности к борьбе и разрушению, неспособно, как и всякая армия, творить Социальную Революцию. Это не вина, а беда повстанчества. Но пусть товарищи это знают. Может быть, некоторых из них это удержит от трагикомической ошибки тех, кто принимает второй месяц беременности за девятый...

* *

„Значит, по вашему, у нас самая настоящая реакция. Вы ставите крест над повстанчеством и тогда, если согласиться с вами, нужно нам, анархистам, оставить поле деятельности большевикам и уйти, сложив анархическое оружие"?

Нет, тысячу раз нет! Теперь еще больше когда либо требуется наша самая активная работа. Нужно самим проникнуться мыслью и неустанно повторять трудящимся массам, что Социальная Революция не есть „радость печалящих" не есть „мир и благоволение во человецех". Путь Социальной Революции — это крестный путь неустанных жертв, кровавой борьбы и великого труда. Путь тяжелый, требующий громадного напряжения всех живых сил, чрезвычайной подготовки и организации. Опыт последней неудачной революции должен, кажется, всех нас заставить переделать наш старый бакунинский лозунг: «дух созидания — есть в то же время и дух разрушения». А то разрушать у нас оказалось много мастеров, а создано очень мало. И анархисты, бескорыстные рыцари Социальной Революции, обязаны сейчас отдать все силы организации безвла-

*) Помещается в дискуссионном порядке.

ствых и противогосударственных производственных союзов пролетарьев города и деревни и, наряду с этим, в стойкой борьбе со всеми суевериями и предрассудками, которые теперь, как и три года тому назад и, может быть, как триста лет тому назад, все еще крепко держатся в деревне. Мы заложим крепкий и прочный фундамент для Социальной революции только тогда, когда сумеем повести усиленную культурно-революционную работу. А то, ведь страшно становится при виде всей тьмы кромешной, в которой стонет и изнывает, не зная выхода, вся наша родная, рабоче-мужицкая Русь!

М. Мрачный.

Очередной вопрос

(Организац. заметки.)

Одной из причин нашей слабости, надо говорить откровенно, является полная оторванность от масс и какая-то изолированная замкнутость отдельных групп и ассоциаций.

Не смотря на всю, казалось бы, свободу и доступность вступления в ряды действенных анархических групп, последние слишком мало наполняются новыми членами и в своей повседневной жизни не выходят из тесного круга немногих анархистов „профессионалов.“ Причину этого глубоко ненормального явления надо искать не в отсутствии соответствующей почвы для успеха пропаганды анархических идей, не в утопичности и нежизненности нашей идеологии, о чем усердно кричат наши враги, но в самом методе постановки нашей работы. Никогда еще быть может идея безвластного общежития не была столь сильна у трудящихся, как теперь, никогда еще каждое слово анархиста не ловилось с такой жаждой рабочими и крестьянами, измученными произволом и эксплоатацией властвующих всех мастей и [illegible] в наставший момент.

Поле для самой широкой работы пред нами открыто. И лишь ложное понимание задач инициативного меньшинства, старый предрассудок о невозможности для пробуждающейся личности слиться в работе с массой — удерживает нас от активной деятельности.

Я не думаю в краткой заметке исчерпать весь вопрос, поставленный перед нами новыми (пожалуй и старыми) организационными задачами, мне хотелось бы только во первых, подчеркнуть необходимость для всякого инициативного меньшинства, если оно не хочет замереть и быть поглощенным вечно наступающей обывательщиной, постоянной активности и во вторых, наметить, хотя бы в самых общих чертах, основные методы работы анархистов массовиков в городе и деревне.

Начнем с города. Городской пролетариат, как наиболее испытавший на себе всю тяжесть капитала и власти и вместе с тем наиболее связанный с самым нервом текущей жизни, крупно-заводской промышленностью, способен особенно чутко реагировать на наше устное и печатное слово. Но для того, чтобы, наша агитация была жизненной, для того, чтобы наше дело стало действительно „делом“ а не фразой, необходимо, чтобы наши организации стали действительно близкими для рабочих, жили с ними одними радостями, болели с ними одним горем, необходимо создание анархических групп, на всех заводах, при всех производ. союзах. Мы должны, путем создания специальной „рабочей группы пропаганды анархических идей,“ впитать в себя все здоровое действенное, что есть в массе, и тогда наша задача пробуждения трудовой мысли будет облегчена. То что до сих пор представляли наши клубы и организации — интелигентская кружковщина — должна быть окончательно изжита. Каждый анархист должен работать в рабочих организациях, должен в повседневной жизни вечно будить у трудящихся дух самодеятельности. Мы не можем быть мертвыми идеологами, мы не можем проходить мимо запросов текущей жизни, горделиво прикрываясь тогой непонятого одиночества. Если сейчас так много приходится слышать о необходимости разработки положительной стороны нашего миросозерцания, то пора уже усвоить мысль, что находясь вне жизни, нельзя творить жизнь.

Работа группы „пропаганды“ может вестись в двух направлениях. — Прежде всего внимание группы должно быть сосредоточено на выработке прочной идеологической базы, лишь опираясь на которую все выступления группы смогут иметь цельный определенный характер без всякого уклона в сторону обычно мещанского настроения. Для этой цели, как в центральной группе составленной из вполне уже самоопределившихся товарищей, так и в периферии, в заводских и производственных группах, ведутся собеседования, доклады и т. п. Надо отметить лишь, что самый характер всех собеседований должен быть основан на инициативе всех участников групп, не должно быть учителей и учеников, не должно быть лекторов и слушателей, в общей работе участвуют все, совместно рассматривая все интересующие группу вопросы. Как тема для собеседований, я полагаю, лучше всего могут быть взяты положительные вопросы строительства безвластного общества. Вместе с тем группа разбирает и все вопросы текущего дня, определенно выявляя к ним свое отношение.

Другой задачей, стоящей перед „группами пропаганды“ является массовая работа в буквальном смысле этого слова. Для этого необходимо, прежде всего, участие членов группы во всех классовых рабочих организациях, не разложенных еще влиянием государства; необходима и организация, если это возможно, широких митингов, лекций, избегая, впрочем, в выборе тем для таких собраний вопросов узко злободневных, носящих преходящий характер — внимание трудящихся должно быть сосредоточено на причине, но не на следствии — в этом залог нашего успеха.

В будущем „группы пропаганды“ приобретут несомненно иное, более широкое значение (об этом, пока не будем говорить), но и сейчас, при известной энергии, они смогут играть роль могучего фактора в деле пробуждения сознания трудящихся.

Оленецкий.

Резолюция 3-ей Конференции Конфед. Анарх. орг. Украины „Набат“.

Отношение к социально-экономическим организациям.

Массовики анархисты всегда утверждали, что Анархическая Коммуна не может быть добыта без активной борьбы трудовых масс за самоосвобождение от всех форм эксплоатации. Наибольшее внимание в своей пропаганде анархисты повсюду уделяют рабочим союзам. В капиталистических странах анархисты усиленно агитируют за об'единение рабочих в производственные союзы — синдикаты, охватывающие работников одного производства в единое целое, стараясь создать из союза революционных синдикатов крупную организованную боевую силу против капитала и власти.

Различные течения анархистской мысли сходятся на том, что в налаживании свободного общества решающая роль будет принадлежать об'единенным производственным союзам. От деятельного участия анархистов в повседневной жизни рабочих синдикатов, зависит большая или меньшая степень революционного сознания среди рабочих; от уровня этого, сознания будут зависеть успехи и неудачи Социальной революции.

Своеобразное положение создалось в России. Подвергнув рабочие союзы полному огосударствлению, советская власть вытравила из них всякое революционное содержание. Железная диктатура коммунистической партии задушила самостоятельность профессиональных и производственных союзов. Современные профсоюзы превращены в подсобное орудие всесильного хозяина государства, в органы полицейского надзора над рабочими массами. В настоящее время работать в правлениях и советах профсоюзов означает быть жандармами или слепым орудием правящей партии и потому конференция предлагает товарищам, бойкотируя всевозможные правления и советы, отдать свои силы рабочим низам.

Там на заводах, фабриках и друг. местах работы нужна наша пропаганда. Там нужно заняться деятельным образом созданием нелегальных анархистских групп. Группируя вокруг себя всех революционно-мыслящих товарищей рабочих по заводу или мастерской, анархисты должны своим участием в каждодневной жизни завода вызывать рабочих на сопротивление чиновникам рабочего государства. В то же время нужно приучать трудящихся к тому, чтобы после грядущего переворота они сумели проявить величайшую инициативу и творчество в строительстве безвластного общества.

Современные фабзавкомы, всецело подчиненные огосударственным Профсоюзам, совершенно лишены революционного смысла, который они имели в начале революции. Они теперь выполняют жалкую роль передаточной дистанции в проведении мероприятий государственной власти, хлопотами о пайке, распределением его и т. п. *вермишелью* ограничивается вся положительная работа фабзавкомов. Участие в них анархистов должно в каждом отдельном случае находиться в зависимости от наличных условий, которые могут иногда способствовать более успешному ведению анархической пропаганды.

Что же касается кооперативов, которые никогда не были боевыми органами рабочего класса конференция констатирует, что в настоящем своем виде они перестали быть и школой самодеятельности рабочих с тех пор, как государство наложило на них всесокрушающую лапу.

Мы считаем совершенно недопустимым для анархиста занимать депутатское кресло и так называемых Советах Рабочих и Красноармейских депутатов, точно также, как занятие ответственных постов в учреждениях Государственной власти, памятуя, что способствовать укреплению Советского аппарата вовсе не значит способствовать укреплению Революции. Скорее наоборот.

Отношение к другим Революц. Организ.

Пропасть давно разделявшая Социализм на два непримиримых лагеря — государственников и безвластников с особой резкостью обозначилась в Русской Революции: коммунисты — большевики, наиболее яркие последовательные представители первой группы — с одной стороны, и безвластное движение трудовых масс — с другой.

В этой решительной схватке все промежуточные группировки лишены всякого самостоятельного смысла и обречены на медленное угасание и неизбежное разложение.

Ни с левыми эсэрами, ни с максималистами, ни с какой другой промежуточной группировкой не может быть близкого сотрудничества в работе.

Международный язык рабочего класса.

(К вопросу о создании Рабочего Интернационала).

I.

Зарево мировой социальной революции занимается над старым миром. Начинается решительная борьба за лучшую жизнь, жизнь без господ и рабов, бедных и богатых, угнетенных и угнетателей. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией во всех странах мира все обостряется. Назревают крупные перевороты во всем мире; — в такое время всемирный пролетариат должен об'единиться и еще теснее сомкнуть свои ряды, ибо ясно, что бес тесного единения трудящихся всех стран, без организации рабочего движения в международном масштабе, невозможна борьба с мировыми насильниками и эксплуататорами-государством и капиталом. Не нужно забывать, что сила — в единении; сила не в насилии, а в братстве и солидарности.

Мы должны будить отсталых, распространять революционные идеи повсюду. Наш революционный набат должен сзывать рабочих на борьбу со своими угнетателями, наше мятежное знамя должно развеваться впереди нас, и мы должны дружно итти завоевывать свое право, открыть путь к красивой, вольной общественной жизни.

Мы должны немедленно восстановить и усилить связи между рабочими организациями всех стран и скорее поставить революционно анархическую агитацию и пропаганду в международном масштабе.

Полным завершением этой работы должно явиться основанием Рабочего Интернационала, Международного Союза Рабочих, союза не политических партий и их лидеров, оторванных от рабочего движения и преследующих свои узкопартийные цели политиков, а истинного Рабочего Интернационала, соединения воль мирового рабочего класса в лице своих товарищей-трудовиков со следами еще не отмытой сажи, с несошедшими еще с рук мозолями, с не успевшим еще выветриться запахом фабрики или завода.

Итак, мы должны пропагандировать идеи революции всем народам, должны об'единять рабочих всех стран в международный классовый союз — Интернационал; но приступая к этой работе, мы, прежде всего, встречаем крупное препятствие в виде отсутствия общего языка у рабочих всего мира. Поэтому мы должны подумать о том, как бы помочь рабочим всего мира в смысле облегчения их сближения и создания тесной связи между ними путем живого общения.

Мы не должны упускать из виду, что Рабочий Интернационал — не Интернационал аристократов рабочего движения, а союз представителей самых недр международного рабочего пласта. Нам должно быть хорошо известно, что для таких представителей иметь общий разговорный язык гораздо ценнее, чем для аристократов III-го Интернационала, могущих как говорить, так и переписываться не на одном европейском языке. Для таких „представителей“ не трудно вести обсуждение вопросов на каком угодно из новых языков. Не таков Интернационал Рабочих. Для них, знающих только один родной язык, трудно будет вести обсуждение интересующих их вопросов.

Нам скажут: пусть рабочие изучают иностранные языки. Но ведь рабочий не может тратить много времени на изучение нескольких языков, не может позволить себе эту роскошь на которую, в настоящий момент, способна лишь буржуазия. Мы имеем много примеров, показывающих, что и продолжительное изучение языков бывает очень часто (если не всегда) лишь бесполезной тратой

времени. В особенности же это неудобно рабочему, менее образованному, чем буржуазия и к тому же человеку занятому: мы не должны забывать, что сейчас рабочему, ведущему отчаянную героическую борьбу с капиталом и властью всех форм и видов, нет времени изучать не только несколько иностранных языков, но даже и один, потому что на это нужно тратить годы. Да и нет смысла: предположим даже, что рабочий выучится одному иностранному языку, но какие выгоды он получит от этого изучения? Он сумеет сговориться с пролетариатом одной страны, одного народа, а это очень и очень мало. Ему, может быть, нужно поговорить с рабочими одной, другой, третьей страны.

С каждым годом в лоно Рабочего Интернационала будут притекать представители все новых и новых народов. Букет национальностей Рабочего Интернационала с каждым годом будет становиться все пышнее и пышнее. В начале легкие сочетания говоров нескольких народностей будут непрестанно обогащаться присоединением новых. Эти говоры не сольются в могучий трубный звук, от которого падут иерихонские стены государственности и капитализма. Наоборот, эта разноголосица может возродить библейскую легенду о вавилонском столпотворении.

И невольно мысль сама собой останавливается на необходимости легкого и доступного всем трудящимся международного языка, как вспомогательного средства к общению мирового пролетариата. Такой язык дал бы рабочим всех стран возможность сообщаться друг с другом, он еще неразрывнее связал бы узами братства и солидарности всемирный пролетариат и усилил бы его мощь.

А. Горский.

АНАРХИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

За Рубежом.

В Сев. Соед. Штатах Америки.

Российская революция, с самого начала ее, всколыхнула весь мир. Российская колония в Соед. Штатах и в Канаде не была исключением. Началась тяга „домой“ не только личностей, но и организаций. Ехали или стремились ехать все: от Троцкого до простого обывателя. Ехали „делать“ или смотреть на „сделанную“ уже революцию. Это лихорадочное состояние вылилось в ликвидацию организаций, групп, предприятий и т. д.

В числе этих организаций была и „Федерация Союзов Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады“. Организация эта, начало которой относится к 1907 году, а оформление и укрепление ее к 1913—1914 годам, была организацией исключительно русского рабочего элемента в Америке. По наружному виду беспартийная, она имела анархистские тенденции. Культурно просветительная, вернее, пропагандистско агитационная работа в центре и на местах была по своей сущности анархо-синдикалистской.

Тяга „домой“ привела к ликвидации и переселению органа федерации „Голос Труда“ в Россию, в Петроград. Вместе с работниками, средствами, машинами уехали организаторы, агитаторы и т. д.—уехала душа федерации. Остались товарищи с упакованными вещами, в ожидании очереди к отправке в Россию. Но очередной поворот в политике временного правительства Керенского, в частности, происшедший под давлением Англии, остановил этот поток „анархистов и большевиков“. Пришлось распаковать вещи и идти работать. Работать для хлеба насущного и работать в движении. Русская действительность, ее отражение в колонии, ставила тысячи вопросов. Ответ был необходим. Постепенно организации оживают. Появляются новые организаторские силы. Работа возобновлена.

Но у колонии, широкой, темной, политически неграмотной, неорганизованной были свои интересы, свои вопросы, часто сходившиеся с интересами организованных, так или иначе, рабочих. Эта общность вылилась и сказалась в предложениях о созыве общеколониального с'езда. Снова сказалось „кривое зеркало“. И революционные и меньшевитско-реакционные элементы хотели главенствовать над колонией. Компромисса быть не могло, как не могло его быть в России. Переговоры ни к чему не привели. Колония раскололась. Революция выиграла. Лучшие элементы стали на ее сторону. Уже тут сказалась разница между анархистами и коммунистами (тогда еще большевиками). Первые предлагали приветствовать, от имени с'езда, российский революционный *народ* вторые—„выразителей воли его“—народных комиссаров.

К моменту 1-го общеколониального с'езда, январь 1918 г. относится воссоздание, я бы сказал сплочение заново Союзов Русских Рабочих в федерацию. Опять таки русская революция отразилась в „кривом зеркале“. Анархисты и большевики попытались идти совместно под лозунгом Советов. Анархисты, например, ограничились одним „общеколониальным органом“. Когда-же, однако, был с'организован самый крупный и крепкий „Нью-Иоркский Совет“ то началась борьба за первое место—сказывалась нарождавшаяся уже тогда в России борьба между властническими и антигосударственными течениями. Русский народ, вообще, более склонен к последнему учению. И в Америке, как и в Нью Иорке, моральная победа осталась за анархистами. „Новый Мир“, орган большевиков, предполагавшийся „общеколониальный“ орган остался органом партии. Совет в Нью Иорке стал издавать газ. „Рабочий и Крестьянин“, которая по своей терпимости может быть названа „общеколониальным“, хотя по праву она оставалась органом Нью Иоркского Совета.

Работу Совета этого нельзя описать в двух словах. Она была ценна. Она спасла многих русских рабочих и эмигрантов вообще от американской военщины. Она освещала интервенцию (вмешательство в дела Сов. России) проделки посла Керенского—Бахметьева. Она организовала колонию, она просвещала ее всеми своими, правда слабыми, но усердно работавшими силами. А жизнь шла. Пропасть между анархистами и большевиками росла. Колония делилась на „сочувствующих“ тому или иному лагерю.

Федерация С. Р. Р. тем временем крепла, росла численно и идейно. Союз за союзом принимали анархистскую платформу вполне, конечно, не без борьбы. Не без расколов. Год прошел. Известий из России было мало; вернее их не было. Скудные, жалкохвастливые, подчас рекламные „вести с родины“ в большевистском органе давали незначительную пищу для размышлений и выводов о положении на родине. Но верное чутье старых работников помогло всей федерации остаться на правильной анархистской платформе.

Резолюции с'езда в начале 1919 г. гласят „За Советы, но не законодательные, а за исполнительно безвластные“, „Против диктатуры“, хотя бы и „пролетарской“ и т. д.

И рост организации, и необходимость „своей“ в противовес большевикам пропаганды заставили организацию Ф. С. Р. Р. создать свой орган. „Хлеб и Воля“ начал появляться в феврале 1919 г., как еженедельный журнал. На „общеколониальном с'езде“, 2-ом по счету, анархисты, как говорится, играли первую скрипку. Победа их была тем полнее, что большевики сильно агитировали и против анархо-меньшевиков“ и против „анархо меньшевитского с'езда“. Орган Нью Иоркского Совета стал органом колонии в лице Исполнительного Комитета 2-го Общ. С'езда, ежедневным вместо еженедельного. Центром тяжести в колонии, в сознательной, рабочей колонии стала федерация С. Р. Р. особенно после жалкого конца 2-го „Общегражданского С'езда“—детища меньшевистско-реакционного альянса (союза). Поле борьбы с'узилось. Меньшевики и им присные сошли на нет. На поле брани осталось два лагеря: анархисты и большевики.

Уже с самого с'езда в январе 1919 г. начались репрессии против федерации; разгромы союзов, аресты агитаторов, налеты на орган и ред. коллегию его и т. п. Тому причиной были анархистские резолюции с'езда и анархистская работа—печатная и устная пропаганда, последовавшая за резолюциями. Не смотря на репрессии, период с февраля по ноябрь 1919 г.—период расцвета и сил и работы федерации. Еженедельный и ежемесячный орган; громадное, пропорционально, количество литературы, рост числа пропагандистско агитаторских работников, „засилие анархо-меньшевиков“ в общеколониальном органе — вот явления этого периода. Я уже не говорю о том, что из анарх. среды выброшен был первый открытый протест против интервенции и блокады Советской России, что анархисты больше всех писали об этом и родственных этому вопросах—анархисты и федерация, в частности, были зачинщиками в деле организации митингов и демонстраций против вмешательства в русские дела. Хотя большевики в то время, я говорю о русской части их, о так называемых „Новомирцах“, кричали о неуместности и неподходящем моменте для такой работы.

А время шло; борьба в судах, департаментах государственных и по высшим инстанциям, что-бы отвоевать право на легальное существование федерации оказалась бесполезной—легальному периоду приходил конец. Некоторые работники это предвидели. Они пытались превратить организацию в подпольную. Но было слишком поздно Да и органически это было невозможно. Организация была построена на легальных началах, в этом духе росла и сразу, под давлением, так сказать, сверху, пойти в подполье не могла. Нужен был сильный удар, грозный урок правительственной реакции, очистка плевел, отпадение трусливых и маловерующих. Нужна была закалка страданием.

Условия американской жизни: переход от военного к мирному производству, Версальские переговоры, рост цен на жизненные припасы, рост рабочего движения—забастовки экономические в реакционной среде и широкая агитация и пропаганда революционных элементов—все это заставило правительство принять решительные меры против большевистской якобы заразы. В первую голову попало анархистам. 7-го ноября 1919 г. произошли повсеместно по Америке облавы на Союзы Русских Рабочих. Арестовывались массы в клубах, единицы на квартирах „известные“ на улицах. Избиения и насилия ужаснуло всю страну. Но травля желтой печати подготовила и отчасти с'умела оправдать эту борьбу правительства против „большевиков“. Несколько сот товарищей были арестованы; из них три четверти посажены в тюрьмы, а свыше 200 человек высланы в Россию. Аресты 7-го ноября были первыми, но не последними. 17-го ноября, 22 ноября, 3 по 8 января 1920 г., а еще раз в январе и в феврале—вот краткий список их. Но взрыв негодования которым население ответило на возмутительные насилия правительства, положил конец изгнанию—депортации. Невысланные товарищи оставались в тюрьме до апреля, выпущены под залог, а к середине 1920 года их дела были частью ликвидированы, частью положены под сукно.

Федерации С. Р. Р. был нанесен сильный удар. Организация была оглушена. Период воссоздания тяжел, продолжителен и еще не закончен по ныне. Правда в июне 1920 года состоялся с'езд, но ничего нового идейно он не дал. Сделаны бессомненные попытки пойти в подполье, но они не закончены, не оформлены. Издается орган „Волна“, подпольно, но он слаб и идейно и материально. Пройдет время, еще пол-года, и организация окрепнет. Движение есть, движение здоровое и широкое. Нужно его поддержать.

Хведор Рудый.

В Белом Крыму.

Первый сигнал

В тесном кругу Южной Группы анархистов—коммунист. г. Симферополя был поднят вопрос: чем ознаменовать существование группы? Решили, что самым нужным в настоящее время будет тормозить передвижение белых на фронт. Это было приблизительно в ноябре м-це 1919 г., когда белые „во все лопатки“ удирали вглубь Крыма, направляясь на Перекоп по железной дороге. Главной линией передвижения была линия Керчь—Феодосия. Решено было „пощупать находится ли эта линия в исправности“. Подрывного материала у нас было очень мало, да и тот не проверенный. Вопрос разрешился просто: достали большой железнодорожный молот и ключ, которые годились для развинчивания рельс. Дело осложнилось неимением средств передвижения. Но через пару дней была приобретена телега и пара лошадей и четверо т-щей отправились в путь. Спустя два дня по городу из уст в уста передавали новость, что между Керчью и Феодосией воинский поезд, груженный снарядами сошел с рельс и паровоз глубоко врезался в песок. Слух этот распространился еще раньше, чем наши товарищи успели вернуться. Оказалось вот что: разобрав рельсы на одной стороне откоса, т-щи отправились в обратный путь; проехав верст 10—15 они заметили, что небо осветилось ярким светом. То белогвардейцы пускали ракеты, освещая местность, чтоб разыскать тех „дьяволов“ которые позволили себе „роскошь“ пустить поезд под откос.

Сейчас же было дано знать по всем станциям, требуя помощи. Вот почему в городе узнали раньше, чем вернулись наши т-щи.

Таким образом дан был первый сигнал, наглядно показавший белым, что и в Крыму им не найти покоя.

„Важный преступник“.

В мая месяце 1920 г. два наших т-ща, члены Южной Группы анархистов коммунистов, также члены Подпольного Ревкома, проходя по Почтовому пер. г. Симферополя, наскочили на засаду: из-за угла вдруг выскочил контр-разведчик и с криком „держите важного преступника“ бросился к одному из шедших т-щей.

В одно мгновение они были окружены. И три добровольческих офицера схватили одного из т-щей за руки, не давая ему пошевельнуться. Второй т-щ, видя, что он еще свободен, неожиданно бросился бежать. Пробежав шагов 10—12 он остановился. В это время еще один т-щ, тоже член Южной Группы, разыскивая этих т-щей, случайно наскочил на эту сцену и, моментально сообразив в чем дело, выхватил оружие, стал плечом к плечу к отбежавшему т-щу и вместе с ним, как по сигналу, начал стрелять. Контр-разведчики тоже, отстреливаясь, бросились врассыпную. Этим

самым освободили руку т-ща, которого они держали. Последний, очутившись между двух огней, все таки успел присоединиться к своим, и они, отстреливаясь, успели скрыться, убив одного стражника.

Эти 7-ми были: „важный преступник“—Иосиф Сафьян, Лука Луговик и Алексей Улановский, начальник подпольного подрывного отряда.

Бывш. член группы.

В России.

— Одесса. В условиях почти полной изолированности, почти полного отсутствия всяких связей протекала анархическая работа, или вернее попытки к ней, на крайнем юге России—в Одессе.

Переворот 7 февраля с. г., принесший Одессе Советскую власть вывел из подполья те немногочисленные действенные анархические группы, которые с'умели пережить тяжелый период белой реакции и не потеряли своих сил для новой борьбы.

Група „Набат“, Ассоциация анархистов-индивидуалистов, група „Вольное Братство“, наконец,—Союз анархических груп—такова была, правда, весьма разнохарактерное по форме, но более чем скудное по содержанию—наличие сил. Не было работников, почти не было средств—была сочувствующая рабочая масса и была новая надвигающаяся реакция.

В первые дни после переворота были выпущены два номера „Набат“ и один номер „Буревестник“. И та и другая газеты были закрыты „социалистической“ властью и на „фронте анархии“ воцарилось безмолвие. Клуб анархистов (Тираспольская, 6) был также закрыт, открытые митинги не разрешались, и работа, начинавшая было налаживаться, свелась к немногочисленным собеседованиям и докладам на отдельных предприятиях (фабрика Попова, союз „Игла“, союз пекарей, союз деревообделочников) и к организации рабочих груп при профсоюзах.

В середине апреля состоялась общегородская конференция анархистов, неприведшая, впрочем, ни к каким результатам. Разногласия, возникшие, главным образом, на почве отношения к „советизму“ (образование новой группы „анархистов позитивистов“),—могли быть изжиты только в реальной работе, а ее то и не было. Об'единение не состоялось, распыленность осталась прежней.

К этому же времени относится образование „инициативной группы анархической рабочей молодежи“, проявившей себя выпуском одной листовки и скоро прекратившей свое существование.

Дальше идет почти полный перерыв всякой, если не считать отдельных выступлений на рабочих собраниях, более или менее планомерной работы. Только в конце июля начинается, как будто, пробуждение от невольной спячки—начинают оформляться рабочие группы (союз „Игла“, союз пекарей, железнодорожники, союз строит. рабочих, кожевенники), начинает появляться инициатива и среди анархистов „профессионалов“.

В августе образуется „об'единенная рабочая группа анархистов“, в которую входят представители почти всех крупных союзов. Начинается разработка положительной стороны нашей идеологии, приобретают большую организованность и выступления. Вместе с тем, понятно, увеличивается и подозрительность «власть имущих»...

Выступления и лекции не разрешаются, рабочие—анархисты усиленно мобилизуются для продработ и т. д. Последнее, конечно, не могло не отразиться на организационной работе и вызвало временную заминку в движении. В настоящий момент, с возвращением мобилизованных с работ, есть надежда, что начатое дело будет продолжено. Наш лучший союзник —пробудившееся сознание масс, нужна лишь энергия и инициатива.

Алексей.

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ.

От редакции.

В газ. «Пролетарий» за 3 ноября мы прочли следующее письмо. Считаем нужным поместить в нашем органе краткий ответ и вместе с тем, посоветуем т. П. Рабочему познакомиться поближе с анархической литературой, чтобы ему ясна стала пропасть отделяющая нас, безвластников от государственников—коммунистов, для которых Анархическая Коммуна—лишь вредная утопия.

ГОЛОС РАБОЧЕГО.

Так в чем же дело?

Устроенный махновцами митинг дал обильную пищу для умственного пищеварения как сторонникам коммунистического, так и анархического направления. Я, как рабочий, взял на себя задачу оттенить по существу один более важный момент, который не мог ускользнуть от присутствующих на митинге. Представители махновцев, выступающие на митинге, во чтобы то ни стало стремились доказать, что всякое государство есть насилие и гнет над человеческой личностью и что их задача в ходе революционной борьбы—разрушение всякой государственности и восстановление рабоче-крестьянского строя. Что-же отвечали представители коммунистической партии махновцам? Цель и задача коммунистической партии—разрушение всякой государственности, как насилия и господства над человеком и восстановления коммунистического общества на основе свободы, братства и равенства. Так в чем-же дело? Почему эта борьба ранее приняла столь острые формы, жертвами которой под ударами вражды пало не мало революционеров, стоящих на точке зрения разрушения государственности? Мне кажется, что прочитав мою заметку „Голос махновцев“ постарается откровенно ответить, так в чем же дело, где разногласие; если и коммунистическая партия и махновцы одинаково идут по пути разрушения всякой государственности. Пусть это станет достоянием самой широкой огласки для полного торжества победы над мировым капиталом. Итак, тов., махновцы, ход революционных событий ждет от вас прямого ответа. Так в чем-же дело?

П. Рабочий.

Постараемся в кратких словах раз'яснить недоумение товарища и ответить на задаваемый вопрос.

1. Большевики считают, что процесс разложения государства и окончательного его уничтожения есть дело далекого будущего, сейчас государственная власть должна быть особенно сильна. Они оправдывают подобное положение переходными периодами, а говорят, что лишь путем железной диктатуры трудящиеся могут получить освобождение. Анархисты напротив утверждают, что политическая власть должна быть уничтожена немедленно, что до тех пор пока не будет разрушено государство нечего думать о каком либо новом строительстве. Рабы не смогут творить свободную жизнь. Не может государствен. власть справиться и с продовольственной разрухой—рабочий и крестьянин никогда не будет усиленно трудиться из под палки того или иного комиссара. Лишь, почувствовав себя совершенно свободными от всякой эксплоатации, они разовьют свои силы и справятся с хозяйственным кризисом. Мало надежды и на победу государства над контр-революцией: власть, создавая новых господ, создавая новую эксплоатацию, создает недовольство в массах и подготовляет почву для контр-революционной агитации. Своими мерами, направленными к порабощению трудящихся, власть отталкивает от революции рабочих Запада и тем самым задерживает ход развития мирового движения трудящихся.

2. Анархисты против всякой, хотя бы и временной, хотя бы и прикрытой очень красивыми фразами, диктатуры. Они знают, что всякая диктатура „трудящихся“ на деле превращается в диктатуру „над трудящимися“, в диктатуру кучки без'ответственных лиц, творящих свое дело, не спрашивая крестьян и рабочих. Блестящим примером является весь ход российской революции и появление новой „советской“ буржуазии.

3. Будущее безгосударственное общество анархисты представляют себе иначе, чем рисуют его коммунисты большевики. По мнению анархистов грядущее общество будет основано на принципе свободного договора, будет отличаться не только отсутствием грани между отдельными народностями „наличием общего всемирного управления“ (как это говорят большевики), оно будет действительно безвластно, не будет права власти человека над человеком, все будут жить на основе взаимной солидарности, взаимно помогая и поддерживая друг друга. Коммунизм в понимании анархистов не есть нечто навязываемое сверху,—это лишь будущая форма свободного соглашения между людьми, отказавшимися от всякой мысли о власти и эксплоатации.

Анархисты никому насилием не навязывают своей мысли, они твердо верят, что трудящиеся сами разберутся на чьей стороне правда.

Безвластник.

От Секретариата Конфедерации анарх. орган. Украины „Набат“.

Всем анархическим организациям и отдельным товарищам.

Дорогие товарищи!

Долгое время наша работа протекала в условиях то белого, то красного террора, а то в обстановке полулегального существования, еще более разлагающе действовавшего на наши ряды. В этих условиях трудно было установить твердую тактическую линию, трудно было систематизировать методы действия наших организаций.

Наконец, в первых числах сентября, состоялась нелегальная Конференция активных работников организаций «Набат» и отдельных членов примыкающих группировок на Украине. Подготовка и обстановка работы Конференции определили характер ее. Было решено окончательно уйти в подполье, стать в боевое положение к существующей Советской власти. Одну характерную особенность новой позиции необходимо подчеркнуть: реакция усматривалась не только во всеподавляющей силе социалистического государства, но и психологически—в настроении и состоянии масс. Революции нет, нет и зрелых революционных сил,—таким образом, ближайшей задачей дня признается не изменять русло „революционной“ жизни, не воздействие на ближайшие события дня, а подготовка нового дня, подготовка нового, сознательного, организованного, массового анархического движения для грядущей революции. Такой взгляд красной нитью проходит через все резолюции Конференции.

Однако, последующие события несколько изменили наше положение.

В средних числах октября между революционными повстанцами—махновцами и советской властью состоялось соглашение, в силу которого все анархисты, на территории советской России, подлежат освобождению, а анархическим организациям предоставляется право свободной пропаганды, как печатной, так и устной. Правда, исключение делается для вооруженно выступающих против Советского Правительства, или призывающих к тому. Правда, невозможность легализоваться анархическим организациям следует рассматривать не как вклад в революцию, не как завоевание, а как случайный каприз скорее военного характера.

Тем не менее Секретариат решил принять легальное положение—условно—до созыва с'езда.

К такому решению Секретариат пришел, учтя исключительно неблагоприятные условия нынешнего подполья, слабую организацию и ограниченный состав предыдущей конференции, недостаточную осведомленность о новом положении многих наших организаций и возможное, таким образом, в дальнейшем отсутствие единства действий и выдержки с их стороны.

С'езд созывается на 1-е декабря с. г. в г. Харькове. Времени мало, надо торопиться. Все товарищи должны принять участие в подготовке его: подготовкой материалов, деятельным оповещением отдельных анархистов и груп, стоящих на платформе массового анархического движения. Но участвовать в с'езде должны товарищи, тесно связанные с рабочим и крестьянским движением, или могущие внести в работы с'езда определенное содержание—теоретическое или практическое.

Участие из любопытства или в качестве пассивного слушателя—преступление перед с'ездом. Поэтому одиночки-анархисты, желающие участвовать в с'езде, должны предварительно известить об этом Секретариат (можно письменно и по телеграфу).

В порядке дня вопросы теоретического характера, вызванные некоторыми колебаниями, заметными в нашей среде, вопросы ближайшей тактики и вопросы организации.

Готовьтесь же к с'езду.

Побольше активности, серьезности чувства ответственности.

Секретариат
Конфедерации Анархич. организаций
Украины „Набат“.

P. S. В виду отсутствия средств и возможности у Секретариата об'езжать и оповещать все организации о предстоящем с'езде, просим всех товарищей самим заняться этим делом.

Адрес Секретариата Конфедерации „Набат“ и редакции газеты: Харьков, Московская ул., № 17.

От Харьковской федерации „Набат“.

Клуб наш помещается по Московской ул., № 17.

В клубе будут происходить собеседования и доклады по вопросам теории и практики анархизма.

Товарищи рабочие, заинтересованные в анархистском движении, *приглашаются организовать по предприятиям группы* для систематических собеседований.

Вниманию т.т. анархистов.

Согласно политическому соглашению повстанцев-махновцев и сов. власти, все анархисты, находящиеся на территориях Советских Республик в заключении за анархистскую деятельность, подлежат освобождению.

Но мы лишены возможности следить за правильным проведением сов. властью этого пункта соглашения в жизнь.

Поэтому просим всех товарищей, имеющих какие-либо сведения о заключенных анархистах, немедленно сообщить нам (можно по телеграфу) по следующему адресу:

Харьков, Московская, № 17, т. Когану.

Издание: Секретариата Конфед.
Редактор: Редакционная коллегия.

Раз. В. Ц. 15/XI. Харьков.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Харьков, 4 Советская типография.

Тираж 6000.